

УДК 316[4:77]

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАВМ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСРЕДЕ: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬЮ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬЮ

Линченко А.А.

Статья посвящена анализу специфики функций и дисфункций медиа в контексте репрезентации культурных травм в условиях активного развития цифровой медиасреды. Обосновывается мысль о том, что дальнейшее развитие цифровых технологий является источником новых тенденций в коммеморативных практиках, что способствует трансформации как социальных функций, так и дисфункций медиасреды в отношении репрезентации культурных травм. На основе анализа зарубежных и отечественных исследований предпринята попытка выявления специфики влияния цифровых медиа на особенности современных коммеморативных практик. Используя теоретический подход Джеффри Александера, автор исследует специфику основных этапов процесса формирования нарратива травмы, а также наиболее значимые репрезентации травмы в условиях цифровых медиа. На основе идей Доминика ЛаКапры о стратегиях «проработки» и «разыгрывания» культурных травм, а также социальной теории Роберта Мертона были классифицированы основные социальные функции и дисфункции, а также проанализированы явные и латентные функции цифровой медиасреды в процессе репрезентации культурных травм.

Ключевые слова: культурная травма, медиасреда, институты памяти, социальные функции, дисфункции, цифровые медиа.

**REPRESENTATION OF CULTURAL TRAUMAS
IN MODERN MEDIA: BETWEEN SOCIAL FUNCTIONALITY
AND INSTITUTIONAL INEFFICIENCY**

Linchenko A.A.

Representing cultural traumas in the context of active development in digital media environment the article analyses specifics of the functions and dysfunctions of media as an institution of memory. The author substantiated the idea that further development of digital technologies is a source of new trends in commemorative practices, which contributes to both social functions and dysfunctions transformation of the media environment in relation to the representation of cultural traumas. Based on the analysis of foreign and domestic studies the author made an attempt to identify the specifics of digital media influence on the features of modern commemorative practices. Using the theoretical approach of Jeffrey Alexander the author explored the main stages of the trauma's narrative formation process as well as the most significant representations of trauma in digital media. Based on the ideas of Dominick LaCapra, the strategies of "working through" and "acting out" cultural traumas, as well as the social theory of Robert Merton the article classifies main social functions and dysfunctions and analyses the explicit and latent functions of the digital media environment in the process of representing cultural traumas.

Keywords: cultural trauma, media environment, memory institutions, social functions, dysfunctions, digital media.

Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ (проект № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиа-репрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации»).

В современном социально-гуманитарном дискурсе продолжается уточнение теоретического языка описания как индивидуального травматического опыта прошлого, так и языка описания культурных травм. Данное уточнение связано не только с самим развитием trauma studies, но и с

появлением новых форм конфигурации социальных отношений, задаваемых развитием медиасреды. Речь в данном случае идет в первую очередь о пространстве цифровых медиа. Несмотря на то, что исследования различных индивидуальных и культурных травм предпринимаются уже более века [12; 13; 18; 21], нельзя сказать, что тема влияния медиасреды на специфику репрезентации и конструирования культурных травм получила обстоятельное исследование. Именно на этот факт указывают В. Канштайнер и Х. Вайльбёк, полагающие, что современные *trauma studies* проявляют удивительное безразличие в вопросе осмысления роли медиа в конструировании репрезентаций травматического опыта [31, p. 234]. Эти слова, сказанные десять лет назад, в определенной мере сохраняют свое значение и сегодня, несмотря на то, что в зарубежной [25; 27; 29] и в отечественной [2; 20; 21] науке появились исследования различных аспектов репрезентации травматического опыта в медиасреде. При этом общим как для отечественных, так и для зарубежных исследователей является тезис о двойственной функции медиа в отношении процессов репрезентации и конструирования травматического опыта прошлого [3; 5].

С одной стороны, подчеркивается роль медиа в конструировании культурных травм, их зависимость от политик идентичности, гипертрофия репрезентации событий, а также «нарративный фетишизм» медиа (Э. Сантнер). Но с другой стороны подчеркиваются возможности медиа в создании маркеров различий в процессе интерпретации травматических событий, их способность показывать опасности политик идентичности, их важное значение в формировании широкого контекста рационального освещения травматических событий. Ситуация еще более усложняется если мы будем говорить не об узком, а о широком контексте понимания медиа, учитывающем специфику самих медиумов обращения к прошлому, несводимых к аббревиатуре СМИ (биографические рассказы, литература, учебники, мемуары, семейная память) [26]. Сразу оговоримся, что в нашей статье мы сосредоточим внимание на «узком» аспекте интерпретации медиа и будем в первую очередь говорить о

средствах массовой информации в условиях формирования цифровой медиасреды.

Тезис о двойственности медиасреды в репрезентации исторических / коллективных / культурных травм, а также различные попытки осмысления роли медиа в стратегиях детравматизации [17; 23; 24] указывают на необходимость расширения исследовательского фокуса в отношении темы «медиа и культурная травма». И связано оно, на наш взгляд, может быть не только с обращением к особенностям различных медиумов, но и с общей оценкой функциональной специфики и институциональной неэффективности медиасреды в отношении репрезентации различных видов и форм травматического опыта прошлого.

В нашем случае мы ограничимся анализом СМИ как института памяти и особенностями его репрезентации травматического опыта. Следует иметь в виду, что подобная постановка вопроса отсылает нас к структурно-функционалистской теории, что не может не вызвать у внимательного читателя скептических вопросов относительно ее методологической новизны. Однако, несмотря на то, что структурно-функционалистские идеи уже давно стали философской и социологической классикой, исследователи продолжают использовать некоторые теоретические принципы данной формы социального теоретизирования [15; 16; 19; 22]. Не являются исключением и современные *memory studies*, где продолжаются дискуссии вокруг различных институтов памяти [7; 10; 18]. Это позволяет нам видеть актуальной стратегию систематизации функциональной и дисфункциональной сторон медиасреды как института памяти, определенным образом репрезентирующего культурные травмы.

По сути, важный шаг в этом направлении делает Джеффри Александер, который, анализируя особенности репрезентации культурных травм в современном обществе с позиций умеренного конструктивизма, стремится описать природу коллективных действий, а также культурные и институциональные процессы, которые опосредуют возникновение культурных

травм [1, с. 18]. Он отмечает: «сообщество становится травмированным. Но этот процесс не разворачивается в ходе того, что Хабермас назвал бы прозрачной речевой ситуацией (*transparent speech situation*) <...> в фактической социальной практике речевые акты никогда не разворачиваются непосредственным образом. Языковое действие мощно опосредуется природой институциональных арен, на которых оно осуществляется» [1, с. 24].

В нашей статье мы сосредоточим внимание только на одной такой институциональной арене – *средствах массовой информации*. Соответственно целью данной статьи является анализ специфики функций и дисфункций медиа как института памяти, репрезентирующего культурные травмы в условиях активного развития цифровой медиасреды. Основной тезис и гипотеза нашей работы состоит в том, что дальнейшее развитие цифровых технологий и медиасреды являются источником новых тенденций в коммеморативных практиках, что способствует трансформации как социальных функций, так и дисфункций медиасреды в отношении репрезентации культурных травм.

Память, медиа и репрезентация травмы

Общим моментом в большинстве работ, посвященных проблемам культурных травм, является констатация проблематичности переноса языка и терминологии психологии на область исследования травм культурной памяти. Так, например, проводя различие между психологической и культурной травмами, Нейл Смелзер отмечает, что если первые «рождаются», то вторые – «создаются» [35, р. 38]. В литературе последних лет также подчеркивается, что «психологическая трактовка акцентирует внимание на носителях травмы, социологическая – ориентирована на изучение механизмов репрезентации травматического прошлого и медиастратегий его передачи» [3, с. 78]. Также отмечается, что внутри самих *trauma studies* можно говорить об альтернативных подходах и тенденциях преодоления «психологического рудимента», проявляющих себя либо в виде разработки новой методологии понимания культурных травм (Д. Александер), либо в виде радикальной критики

преемственности фрейдистского понимания травмы как повторения (А. Ассман) [см.: 8].

В данной статье мы будем отталкиваться от теоретических положений Д. Александра, ставших уже общими для большинства исследователей, обращающихся к культурным травмам. Мы не будем подробно описывать основные положения работы зарубежного исследователя, которая доступна на русском языке [1], а также неоднократно комментировалась в статьях отечественных исследователей [2; 8; 12; 18]. Укажем лишь то, что, критикуя «просвещенческую» и «психоаналитическую» концепции травмы, Д. Александер занимает конструктивистскую позицию. Это означает в его понимании необходимость рассмотрения культурной травмы как социокультурного процесса, связанного с формированием и трансформацией коллективной идентичности. Культурная травма оказывается «процессом травмы», являя определенный разрыв между травматическим событием и его репрезентацией. Другими словами, речь идет о культурном процессе «приписывания» определенным событиям травматического характера, что переключает внимание на агентов и акторов репрезентации, а также на институты, которые способствуют восприятию события как травматического.

Конструктивизм позиции Д. Александера особенно заметен в интерпретации им онтологического статуса травматических событий. Он подчеркивает, что «события, взятые отдельно, и как таковые не создают коллективную травму. События не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества. Это свойство может приписываться событию в режиме реального времени, по ходу его осуществления; оно может приписываться событию до того, как оно произошло, в качестве его предзнаменования, или после того, как событие завершилось, в качестве реконструкции *post hoc*. По сути, иногда глубоко травмирующие события могут и вообще не происходить в действительности: тем не менее, такие воображаемые события могут быть

столь же травмирующими, сколь и те, что на самом деле имели место» [1, с. 16].

Отсюда репрезентация понимается не как воспроизведение, восприятие или представление события, а как практика конструирования или в терминах самого Д. Александера «рассказывание новой истории». Поэтому, говоря о репрезентации травматического опыта в различных институциональных средах, он предлагает нам видеть активную роль данных сред, а также стоящих за ними акторов. Эту мысль удачно подчеркивает новозеландский исследователь А. Мик, который, анализируя статус СМИ в современных коммеморативных практиках, указывает: «В своем стремлении маркировать, определять, интерпретировать для придания смысла и коммеморации медиа отказались от непосредственной травматической встречи с событием. Они замещают ее своими травматическими структурами репрезентации и повторения» [33, р. 188].

Теоретический подход Д. Александера в отношении культурных травм является еще одной иллюстрацией трансформации современных исследований памяти (*memory studies*), которая с легкой руки зарубежных исследователей получила название «третьей волны» [см.: 14; 18; 28]. Зарубежный исследователь Патрик Хаттон несколько лет назад предложил следующую классификацию: «Первая волна в конце XIX в. была научной и ориентировалась на индивида. В ее центре лежала психологическая сфера. Вторая волна сформировалась к концу XX в. Она была ближе искусству памяти, но ориентировалась в основном на социальные рамки. Ее основной сферой распространения стала историография. Третья волна распространяется с начала XXI в. и ориентируется на культурные последствия медиа-технологий. В ее центре оказываются исследования коммуникаций» [28, р. 177].

Не вызывает сомнений, что «третья волна» сохраняет распространенное убеждение большинства исследователей о том, что «коллективная память является социокультурной конструкцией», а также тот факт, что она функциональна, когда «социальные группы сохраняют память о прошлом,

преследуя различные цели» [18, с. 33]. К этому добавим тезис Майкла Ротберга о разнонаправленном характере трансформации коллективной памяти, указывающего на множественность и нелинейность способов коммемораций в современной культуре [см.: 37]. Комментируя тезисы П. Хаттона, отечественный исследователь Федор Николаи указывает на еще один важнейший признак современных *memory studies*: «Исследователей все чаще интересуют не отдельные точки ("места памяти"), но общая топология этого пространства, его движущие силы и динамические эффекты, определяющие растущую пролиферацию культурных практик и смену режимов соотнесения жизненного опыта и медиа-репрезентаций» [14, с. 371].

Важная роль медиасреды была также прослежена в контексте спадов и подъемов самих *memory studies* в XX веке. Отечественный исследователь Алексей Васильев называет, как минимум, пять вариантов периодизации исследований памяти в контексте смены медийных технологий в работах Ж. Гуди, А. Леруа-Гуран, Ж. Ле Гоффа, Е. Эспозито и А. Эрль [6]. Подобная взаимосвязь медиа и памяти позволяет зарубежным исследователям оптимистически оценивать роль и значение медиасреды в воспроизводстве, трансляции и конструировании образов прошлого.

Ярким примером этого является коллективная монография «Молчание экран и спектакль: переосмысливая социальную память в эпоху информации и новых медиа» [34], вышедшая в Оксфорде в 2014 г. под редакцией Линдси Фриман, Беньямина Ниенасса и Рэйчел Дэниэл. По мысли авторов монографии современная «память проходит через большее, чем когда-либо прежде, количество медиа и коммуникативных платформ» [34, р. 239]. Однако трансформация социальной памяти в новой медийной среде для авторов книги является поводом к переосмыслению новых функций медиа, а также к переосмыслению самой специфики социальной памяти.

Не менее оптимистичен известный зарубежный исследователь коллективной памяти Вульф Канштайнер. Выступая на недавно состоявшейся международной научной конференции исторической дидактики в австрийском

Граце (11-14 ноября 2020 г.) он подчеркнул мысль о важной роли дигитальной среды исторического образования. В своем докладе он призвал ориентироваться не только на интеллектуальную рефлексивность и критическое мышление как важнейшие инструменты воспитания историка, но и на концепт «погружения» (*immersion*) [30, p. 73]. Современное историческое образование, по мысли автора, практически неотделимо от контактов со сферой медиа. Это значит, что оно должно не противостоять им, а учитывать и использовать «экстраординарный погружающий потенциал» (*extraordinary immersive potential*). В своем докладе он призвал к оптимизму, подчеркивая, что мы имеем возможность жить в культуре, предполагающей возможность глубокого погружения в изучаемую эпоху, благодаря именно медийным (дигитальным) средствам. Выделяя типы «погружения»: экранное (на примере телесериала «Холокост»), физическое (Мемориал жертвам холокоста в Берлине) и дигитальное (виртуальная модель концлагеря в Баварии, видеоигра «*Call of Duty*»), он отметил, что высокий эмоциональный контекст любого из типов актуализирует дискурс исторической ответственности, оборотной стороной которого как раз и выступает репрезентация культурной травмы.

Подобный оптимизм зарубежных исследователей позволяет говорить не о радикальной дисфункциональности медиа в отношении памяти и травмы, а скорее о трансформации как всей системы социальных функций, так и системы дисфункций медиасреды. А это в свою очередь ставит вопрос о тех стратегиях, которые могли бы способствовать повышению социальной функциональности медиасреды и относительному снижению дисфункциональности.

В данном случае, одним из наиболее многообещающих представляется подход профессора Нью Йоркского университета Доминика ЛаКапры – одного из лидеров новой интеллектуальной истории в США. Мы не будем подробно рассматривать его теорию, а также ее место в американских исследованиях травматического опыта, поскольку это обстоятельно сделано в монографии отечественного исследователя Ф. Николаи [13].

По мысли ЛаКапры, следует говорить, как минимум, о двух подходах в отношении травмы: «разыгрывании» и «проработке» [см.: 32]. Первый путь связан с продолжением воспроизводства травматической ситуации, когда отдельные люди, акторы и институты продолжают условно «жить в прошлом», отказываются и оказываются не в состоянии анализировать травму, а только многократно «представляют» ее заново. Второй путь связан с переосмыслением индивидуальной и коллективной травмы. Сам термин «проработка» (*working-through*) является калькой фрейдовского концепта «*durcharbeiten*». Однако заимствуя данный термин из фрейдовского психоанализа, американский исследователь радикально меняет его смысл. Для Д. ЛаКапры проработка – это «напряжение между самостоятельными исторической, эстетической и литургической позициями, которая должна воспрепятствовать некритическому воспроизведению травматического опыта или его аффективному повторению эстетическими средствами» [32, р. 138]. Однако насколько теоретическая модель, разработанная Д. ЛаКапррой, сохраняет свою актуальность в условиях формирования цифровой среды общественных коммемораций и как она может быть прослежена в контексте системы социальных функций и дисфункций медиасреды в отношении репрезентации культурных травм?

Память, культурная травма и медиа в эпоху цифровых технологий

Исследования влияния цифровой медиасреды на память являются одним из наиболее дискуссионных аспектов современных *memory studies*, что требует от нас в данной статье выделения лишь самых общих тенденций для понимания в дальнейшем ситуации с культурными травмами. Линия споров пролегает между сторонниками и противниками рассмотрения цифровой памяти как принципиально нового состояния коллективной памяти [25, р. 22] или наоборот – типичного объекта медиализированной памяти [18, с. 181].

Специфике цифровой памяти в современной зарубежной литературе посвящен целый ряд работ, среди которых выделим работы Джоанны Гарде-Хансен [27] и Эндрю Хоскинса [25].

В работе Д. Гарде-Хансен влияние цифровых медиа на коллективную память анализируется в рамках четырех аспектов. Во-первых, британская исследовательница подчеркивает, что цифровые медиа могут быть «инструментом создания самих архивов, наследия и воспоминаний» на всех уровнях памяти. Во-вторых, цифровые медиа оказываются новым инструментом архивирования. В-третьих, цифровые медиа превращаются сегодня в самоархивирующийся феномен (*self-archiving phenomenon*). В-четвертых, цифровые медиа сами оказываются креативной формой архива, что, по мнению автора книги, ярко проявилось в истории со страницей в социальной сети Геньо Житомирского, который погиб в Освенциме в 1942 г. [27, p. 72].

Не менее интересен в этой связи и концепт «коннективной памяти», введенный Э. Хоскинсом. В отличие от предшествующих исследователей, он предпочитает говорить о полной пронизанности современной памяти «техническим бессознательным». Поэтому происходящие изменения он называет «совместной эволюцией» памяти и технологий. Современная коллективная память по его мысли легко и динамично конфигурируется посредством используемых цифровых практик и благодаря связанности цифровых сетей. В таком случае традиционное разделение памяти на индивидуальную и коллективную в определенной мере теряет свою принципиальную значимость. Обе памяти оказываются опосредованными медийными технологиями и воспроизводятся в рамках социотехнических коммуникаций. Хоскинс особо подчеркивает, что процесс конструирования знаний о прошлом материализуется в формате цифровых «памятных» нарративов как мультимодальных продуктов. Если предшествующие *memory studies* апеллировали к антропоцентрическому подходу, то работа Э. Хоскинса указывает на необходимость социотехнического подхода к изучению памяти, где человеческий и технический компоненты оказываются взаимодополняющими. Для характеристики данных особенностей зарубежный ученый предложил ввести в научный оборот новый термин «коннективная

память», содержание которого раскрывается через динамику взаимодействия человеческого и социотехнического компонентов коммеморации [см.: 25].

Как видно из представленного выше краткого описания, цифровая медиасреда действительно способствует преобразованию современных коммеморативных практик. Естественно, это не может не отразиться и на особенностях конструирования культурных травм. При этом активное развитие цифровых медиа оказывается заметным не столько в рамках формального, сколько в рамках содержательного аспекта процесса конструирования культурной травмы и ее базовых репрезентаций, проанализированных Д. Александером. Другими словами, остаются основные этапы процесса формирования нарратива травмы (выдвижение заявления о наличии травмы, формирование групп носителей травмы, формирование аудитории травмы, создание травмы как нового господствующего нарратива), а также четыре наиболее значимые репрезентации травм в медиа (природа боли, природа жертвы, связь жертвы и травмы с более широкой аудиторией, распределение ответственности).

Изменения наблюдаются в их содержании, что связано, на наш взгляд, с несколькими факторами. Во-первых, дальнейшее развитие цифровых медиа и в первую очередь информационного потенциала социальных сетей будет усиливать роль персонального опыта травм. В таком случае нарратив боли того или иного сообщества травмы будет дифференцироваться за счет возможностей заявить о каждом конкретном случае обсуждения произошедшего. Подобное «многоголосие» травмы будет обнаруживать новые грани того, что именно произошло с группой или сообществом травмы.

Во-вторых, цифровые медиа еще в большей мере будут усиливать тенденцию повышения роли персонального восприятия культурных травм, что в первую очередь связано с расширением статуса свидетеля травмы. По этому поводу, Д.А. Аникин резонно замечает: «в случае культурной травмы функции свидетеля лишь приписываются автору репрезентации, не обладающему личным опытом проживания и переживания данного события» [3, с.82].

Другими словами и свидетели и аудитория цифровых медиа в силу интерактивного характера последних получают еще большую возможность достраивать новыми смыслами, казалось бы, уже сложившиеся образы боли и жертвы.

Заметим также, что рост влияния аудитории репрезентируемого травматического события, а также трансформация статуса свидетеля в условиях доступности цифровых медиа будут способствовать росту конкуренции между различными травмами, что во многом обусловлено коммерческими целями и привлечением внимания широкой зрительской аудитории. Интерактивность цифровых медиа усиливает и роль зрительской аудитории в процессе определения исторической ответственности, где втягивание аудитории в обсуждение травматического опыта и поиск виновных оказываются еще одним фактором привлечения внимания к информационному ресурсу.

В-третьих, продолжая мысль Д. Гарде-Хансен, мы могли бы сказать о важной роли цифровых медиа как в презентации архивов культурных травм, так и в их непосредственном создании. С одной стороны, это позволяет расширить круг источников для репрезентации опыта боли и образа жертвы, позволяет сделать архивы более доступными для массовой аудитории и научных исследований. С другой стороны, в цифровой среде усложняется возможность верификации источников или даже возникает риск потери информации.

В-четвертых, технологические возможности цифровых медиа и в первую очередь возможности передачи аудио и видео информации, будут способствовать дальнейшему усилению эмоциональной составляющей восприятия травматического опыта. Это с одной стороны, будет повышать возможности «погружения» человека в воспринимаемый контекст, о чем как раз оптимистично пишет В. Канштайнер. С другой стороны, цифровые медиа усиливают суггестивность восприятия травматического опыта, что, как и в случае с традиционными СМИ, скорее оказывается барьером для верификации и рационализации культурной травмы.

О функциях и дисфункциях цифровых медиа в процессе репрезентации культурных травм

Медиа, как и любой другой институт, не является автономным образованием и функционирует как своеобразная «точка пересечения» социально-экономических, политических и культурных стратегий. Это означает, что любой анализ функций и дисфункций данного института будет вынужден учитывать ситуацию в соседних институциональных средах. Например, анализируя российский случай репрезентации культурных травм в медиасреде, мы будем вынуждены обращаться, прежде всего, к особенностям трансформации политических институтов и в первую очередь к официальной политике памяти. Однако для целей теоретического исследования оказывается не менее важным сконцентрировать внимание исключительно на изучаемом явлении, реализуя своеобразную стратегию теоретической идеализации. В данном разделе, завершающем статью мы пойдем именно по этому пути, что позволит разобраться со спецификой цифровой медиасреды как института памяти, определенным образом репрезентирующего культурные травмы.

Соответственно в данной статье под социальной функцией мы будем понимать не столько зависимость между различными социальными процессами, сколько ту роль, которую определенный социальный институт выполняет в отношении вышестоящих в организационном отношении социальных систем. Как известно, на пути критики парсоновских теоретических постулатов, универсализирующих функционализм, Роберт Мертон ввел понятие «дисфункции», как теоретического инструмента фиксации противоречий развития социальных систем. Дисфункции для него – это «те наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы» [11, с. 414] и, таким образом, нарушают нормальное взаимодействие социального института с обществом. Принципиальная позиция Роберта Мертона, как известно, состояла в поиске баланса функциональных и дисфункциональных последствий, а также динамике взаимопревращения явных и латентных функций. Однако каким образом эта теория может быть

использована в отношении цифровых медиа в контексте темы репрезентации культурных травм?

Не будет преувеличением отметить, что основной функцией медиасреды как социального института является информирование и обеспечение коммуникации по поводу проблематизации и разрешения противоречий функционирования общества. Это изначально не позволяет поставить медиасреду на один уровень с другими общественными институтами памяти, например, в вопросах детравматизации, поскольку выработка рационального подхода к культурным травмам базовой целью медиасреды не является. Для нашего анализа мы использовали классификацию основных функций и дисфункций медиасферы, разработанную Г.К. Панковой [15].

Ключевую роль среди функций медиасреды как института памяти играет *коммуникативная функция*. В контексте проблемы репрезентации культурных травм речь идет о создании медиасредой условий для «проговаривания» травмы, обеспечении коммуниктивной среды проработки травмы в том смысле, о котором пишет Д. ЛаКапра. Дисфункциональность в таком случае оказывается связанной с созданием барьеров для циркуляции образов травматического прошлого или с коммуниктивным сопровождением медиасреды сценариев «разыгрывания» травмы.

Следующая функция может быть охарактеризована как *аксиологическая*. В данном случае социальная функциональность состоит в помещении культурной травмы в широкий социально-культурный контекст и через согласование различных интерпретаций и ценностных сред создание условий для ее «проработки». Соответственно институциональная неэффективность в данном случае выражается как в форме нивелирования ценности опыта травмы (напр. прагматическое деловое отношение), так и в форме «банализации травмы», ее «опошления» (*trivialization*). Это отмечает в своей работе американская исследовательница Марита Стёркин, проанализировавшая способы превращения в китч травматических событий вокруг тюрем Абу-Грейб и Гуантанамо [36, p. 7].

Еще одна функция может быть обозначена как *социально-политическая функция*. Ее значение состоит в привлечении общественных групп и граждан к процессам проговаривания культурных травм в обществе и соответствующим политикам памяти. Здесь дисфункциональность проявляется в обратной по своей цели мобилизации общества в процессы разыгрывания травм и, тем самым, пополнения сообществ травмы. Здесь выделяется и просветительская функция, центральной задачей которой является выработка исторического сознания, ориентированного на рациональные формы осуществления исторической ответственности. В данном случае институциональная неэффективность медиасреды проявляет себя в усилении манипулятивной составляющей информационного контента, что создает дополнительные возможности для различных способов «разыгрывания» культурных травм.

Исследователи выделяют также *интегративно-дезинтегративную функцию*, которая в отношении сферы коммемораций состоит в объединении усилий представителей различных сообществ памяти в достижении диалога. Данная функция также состоит в размежевании посредством публичных дискуссий различных групп и сообществ памяти, что усиливает гетерогенность восприятия прошлого в обществе. Значение данной функции в особенности заметно в сфере репрезентации культурных травм, поскольку умножая грани травмы и делая публичным различие точек зрения на нее, мы создаем предпосылки для ее рационализации и «проработки». С другой стороны, дисфункциональность здесь связана либо с созданием единого мононарратива, выводящего культурную травму за пределы публичной дискуссии, либо, наоборот, с намеренным противопоставлением сообществ травмы, что не столько способствует ее «разыгрыванию», сколько отодвигает в сторону вопрос о ее «проработке».

В рамках еще одной функции, которую обозначим как *конфликтологическую*, идет речь о выявлении в медиасреде участков исторического опыта, отсылающих к тем или иным культурным травмам, что в свою очередь позволяет снижать риски конфликтов между сообществами

травмы. Соответственно дисфункциональность проявляется себя в игнорировании медиасредой конфликтогенных участков исторического опыта, создающих условия для конструирования или воспроизводства сообществ и группами культурных травм.

Говоря об *управленческой функции*, мы подразумеваем способность медиасреды содействовать проработке культурных травм в политиках памяти различных общественных акторов, включая государство. С другой стороны, дисфункциональность здесь оказывается связанной с переносом в медиасреде внимания от управления процессом проработки травматического опыта на персональные контексты и личные истории. Это мешает воспринимать культурные травмы в широком общественном контексте, что оказывается результатом эмоциональных, а не рациональных аргументов. Ярким примером является концепция «нарративного фетишизма» Эрика Сантнера. Ученый характеризовал это явление как «конструирование и использование нарратива, сознательная или бессознательная цель которого состоит в том, чтобы стереть следы этой травмы или утраты, которая, собственно, и дала жизнь этому нарративу <...> Нарративный фетишизм освобождает человека от необходимости переосмыслить свою идентичность в посттравматических условиях» [цит. по: 5].

Еще одна функция с легкой руки отечественных исследователей получила название *прогностической*. Медиасреда в данном случае в силу своей обращенности к массовой аудитории и публичным формам общественной экспертизы оказывается условием прогнозирования элементов возникающих культурных травм и научного моделирования внедрения травматических сюжетов в историческую память [см.: 4]. Дисфункциональность здесь находит себя в социальном пессимизме медиа, что ведет к очередному витку «разыгрывания» культурной травмы.

Завершает наш анализ *гуманистическая функция*, значение которой в аспекте репрезентации травм состоит в формировании этико-мировоззренческой чувствительности общества к травматическому опыту и

сопереживанию. В этом случае дисфункциональность проявляет себя в хорошо известном в отношении традиционных медиа феномене «усталости сострадать». Здесь мы опираемся на известную работу К. Кинник, Д. Крэгмона и Г. Камерона [9]. Авторы интерпретируют *сострадание* в качестве эмоциональной реакции субъекта на социальные проблемы, и связывают эту реакцию с эмпатией. Достоинство данной работы состоит в том, что они смогли описать диапазон оптимального уровня эмпатии, который позволяет представителям общества проявлять активность в виде различных стратегий сопричастности. Соответственно, усиливая суггестию и конкуренцию травм, медиасреда способствует росту информационно перегруженной и эмоционально подавленной общественности, представители которой будут стремиться к различным практикам и стратегиям уклонения от сострадания или в некоторых случаях будут демонстрировать циничную позицию. В таком случае усиления внимание к персональности в социальных сетях делает циничную позицию общедоступной.

Последний пример показателен для нас и в аспекте анализа явных и латентных функций. С одной стороны, как мы уже отмечали, явной функцией медиасреды как института памяти является информирование и обеспечение коммуникации по поводу проблематизации и разрешения противоречий функционирования общества. В нашем случае сферой приложения такой проблематизации и разрешения противоречий оказываются культурные травмы. С другой стороны, латентной функцией медиасреды оказывается нацеленность на привлечение стабильного зрительского и пользовательского интереса, что имеет, прежде всего, коммеморческий смысл. В таком случае как раз стратегия «разыгрывания» культурных травм оказывается важным инструментом поддержания интереса аудитории. Как показывает Д. Гарде-Хансен, традиционные медиа в XX веке во многом способствовали превращению указанной латентной функции в явную, что позволило британской исследовательнице иронично заметить: «травма производится, потребляется, снова производится и снова потребляется» [27, р. 59].

Данная ситуация, вероятно, не только сохраняется в контексте цифровых медиа, но и будет расширяться в аспекте персонализации цифрового конструирования травм, их обсуждения, а также формирования виртуальных сообществ травм, актуализирующих множественные стратегии их разыгрывания. В таком случае вопрос о проработке культурных травм и роли в этом цифровой среды в большей мере связан с регуливающей ролью политик памяти в медиа и усилением присутствия в цифровой медиасреде научного сообщества. Также это связано с инновационными стратегиями развития цифровой медиакультуры массовой аудитории, которые еще только предстоит разработать.

Список литературы:

1. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6-40.
2. Аникин Д.А. Медиа и травмы коллективной памяти в ракурсе социального знания // Дыльновские чтения: материалы IV международной научно-практической конференции, 10 февраля 2017 года. Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 9-13.
3. Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 78-84.
4. Белов С.И. Минимизация рисков внедрения травмирующих сюжетов в историческую память // PolitBook. 2018. № 3. С. 52-65.
5. Браточкин А. Культурная травма и медиа [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Гефтер». 29.05.2015. URL: <http://gefter.ru/archive/15301> (дата обращения: 20.12.2020).
6. Васильев А. Социальная память на подмостках театра новых медиа // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 310-316.
7. Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.

8. Капельчук К.А. Травма: от повторения к репрезентации и обратно // *Studia Culturae*: 2019. Вып. 1 (39). С. 140-149.
9. Кинник К., Кругман Д., Камерон Г. «Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 187-217.
10. Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
11. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 379-448.
12. Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 54-70.
13. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М.: Флинта, 2017. 184 с.
14. Николаи Ф.В. «Третья волна» memory studies: культурная память между опытом и репрезентацией // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 369-374.
15. Панкова Г.К. Функции и дисфункции медиасреды в проблематизации социальных противоречий [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://bit.ly/34FyDnc> (дата обращения: 20.12.2020).
16. Покровский Н.Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 114-117.
17. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38-62.
18. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
19. Сухарев О.С. Новый институционализм: «ловушки», транзакционные издержки, «теорема Коуза» и время // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2012. № 5. С.14-36.

20. Сыров В.Н. Культурная травма и сетевое сообщество: методологические соображения // Вестник Томского университета. 2019. № 446. С. 76-82.
21. Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 306 с.
22. Шандыбина М.О. Функции и дисфункции светского государства в методологических координатах структурного функционализма Роберта Мертона // Право и управление. XXI век. 2015. № 1 (34). С. 79-85.
23. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
24. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
25. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by Andrew Hoskins. London: Routledge, 2017. 326 p.
26. Erll A., Rigney A. Introduction: cultural memory and its dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / Edited by Astrid Erll, Ann Rigney. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009. P.1-15.
27. Garde-Hansen J. Media and memory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 174 p.
28. Hutton P.H. The Memory phenomenon in contemporary historical writing. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 234 p.
29. Huyssen A. Present pasts: Urban palimpsests and the politics of memory. Redwood City, CA: Stanford University. Press, 2003. 186 p.
30. Kansteiner W. Didactics of immersion: Historical culture in the digital age // The Graz conference. Historical consciousness. Historical thinking. Historical culture. Core concepts of history didactics and historical education in intercultural perspectives reflections on achievements – challenges for the new generation. 11th - 14th November 2020 University of Graz, Austria. Graz: Graz University Press, 2020. P. 73-74.

31. Kansteiner W., Weilnboeck H. Against the concept of cultural trauma (or how I learned to love the suffering of others without the help of psychotherapy) // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2010. P. 229-241.
32. LaCapra D. *Representing the Holocaust: History, theory, trauma*. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 230 p.
33. Meek, A. *Trauma and media: Theories, histories, and images*. Abingdon: Routledge, 2010. 224 p.
34. *Silence, screen and spectacle: Rethinking social memory in the age of information and new media* / Eds. L.A. Freeman, B. Nienass, R. Daniell. N.Y.; Oxford: Berghahn, 2014. 249 p.
35. Smelser N.J. Psychological trauma and cultural trauma // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press. 2004. P. 1-35.
36. Sturken M. Comfort, irony, and trivialization: the mediation of torture // *International Journal of Cultural Studies*. 2001. No 1. P. 1-18.
37. Rotberg M. *Multidirectional memory: Remembering the Holocaust in the age of decolonisation*. Stanford: Stanford University Press, 2009. 380 p.

Сведения об авторе:

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия).

Data about the author:

Linchenko Andrei Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Researcher of Lipetsk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia).

E-mail: linchenko1@mail.ru.